

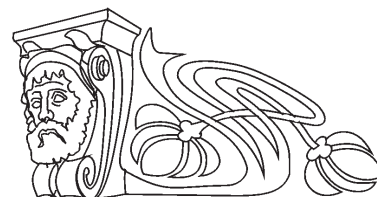

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 373–376
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 373–376
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-373-376>, EDN: ITLPMS

Научная статья
УДК 261.7

Современные теории секуляризации и перспективы светско-религиозного диалога

А. В. Иванов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Иванов Андрей Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, ivanowaw@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8840-7937>

Аннотация. Введение. В статье анализируются современные философские дебаты о соотношении светского и религиозного мировоззрения. Рассмотрены новейшие формы постсекуляризации как развития религиозных общин в постоянно секуляризирующейся среде, выявлены ее основные измерения: деинституционализация религиозного образа жизни, индивидуализация веры, развитие новых социальных форм. **Теоретический анализ.** Главная предпосылка исследования заключается в том, что существующие подходы не только противоречивы, но и имеют ограничения для конструктивного осмысления перспектив светско-религиозного диалога. На основе дискурсивной теории рассматривается рационально-дискурсивная и релятивистско-конвенциональная стратегия диалога. Как полагает Ю. Хабермас, представители и религиозного, и светского мировоззрения должны учиться друг у друга, а религия должна быть «переведена» на рациональный язык секулярной культуры, нейтрализуя ее наиболее опасные компоненты. В целом соглашаясь с Хабермасом, Тейлор утверждает, что секуляризм – это основной способ обращения с разнообразием религиозных и нерелигиозных мировоззрений в условиях современности. В то же время Дж. Милбанк считает проблематичным эссенциализацию секулярного разума. В **заключении** обсуждаются перспективы светско-религиозного диалога в контексте российской культуры. Суть этой модели в поиске компромисса между крайностями догматической веры и светского разума.

Ключевые слова: религия, дискурс-анализ, диалог, секуляризм, постсекулярное общество, теология

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Для цитирования: Иванов А. В. Современные теории секуляризации и перспективы светско-религиозного диалога // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 373–376. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-373-376>, EDN: ITLPMS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Recent theories of secularization and perspectives of secular-religious dialogue

A. V. Ivanov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey V. Ivanov, ivanowaw@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8840-7937>

Abstract. Introduction. The article examines the current philosophical debates about the relationship between secular and religious worldviews. The article outlines recent forms of postsecularization as the continued existence of religious communities in a continually secularizing environment, identifying its main dimensions: the deinstitutionalization of the religious lifestyle, the individualization of faith, and the development of new social forms in the religious field. **Theoretical analysis.** The central premise of the study is that existing approaches are not only controversial, but have their limitations to describing perspectives of secular-religious dialogue in a constructive way. On the basis of the discursive approach rational-discursive and relativistic-conventional strategies of secular-religious dialogue are identified and discussed. In this context, J. Habermas suggests that religion and secular worldviews have to learn from each other, and religion has to be “translated” into the rational language of secular culture, neutralizing its most dangerous components. At the same time, J. Milbank finds the essentialization of secular reason problematic. In **conclusion**, perspectives of secular-religious dialogue in the context of Russian culture are discussed. The essence of this model consists in the search for a compromise between the extremes of dogmatic faith and secular reason.

Keywords: religion, discourse analysis, dialogue, secularism, postsecular society, theology

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44127.

For citation: Ivanov A. V. Recent theories of secularization and perspectives of secular-religious dialogue. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 373–376 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-373-376>, EDN: ITLPMS
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Начиная с 50-х гг. прошлого века проблема секуляризации служит объектом резонансных научных дискуссий, итогом которых стало формирование теорий *секулярного, постсекулярного и десекулярного общества* [1]. По мнению П. Бергера, в современной науке образ религии стремительно поляризуется, в результате чего формируется два несовместимых дискурса о религии – светский релятивизм и религиозный фундаментализм [2]. С одной стороны, секулярный релятивизм исходит из представления о религии как исключительно имманентном феномене культуры, который в ходе развития закономерно утрачивает свою мировоззренческую исключительность, при этом его относительность становится все более очевидной в условиях глобализации. С другой стороны, секулярному релятивизму противостоит фундаментализм с его субстанциалистским пониманием религии как высшей сферы человеческого духа, средоточия высших ценностей и истин, имеющих трансцендентную и надисторическую природу. Все это не только создает необходимость теоретического анализа феномена секуляризации, но и становится предпосылкой возникновения проблемы религиозно-светского диалога представителей полярных течений.

Теоретический анализ

Глобальная секуляризация как объективный процесс, включающий в себя, согласно Ч. Тейлору, институциональное разделение церкви и государства, «приватизацию религии» и превращение религии в сферу индивидуального выбора, формирование «религиозного плюрализма», предполагающего утрату религией доминирующей роли регулятора всех социальных отношений, в условиях позднего модерна все больше сталкивается с противоположными тенденциями, такими как возрождение религиозных верований, возвращение религии в публичное пространство, а также снижение прежней значимости научной рациональности и секулярных практик [3, р. 31]. Вместе с тем постсекулярное состояние общества не тождественно возвращению в домодерное состояние сакрального социального порядка. Будучи побочным результатом секуляризации, оно становится причиной кризиса традиционных религий и формирования альтернативных форм внеконфессиональной религиозности, которые стремительно вторгаются в духовное пространство личности и становятся причиной

широкого распространения различного рода духовных практик, граничащих с язычеством. И в этом, как указывал Ю. Хабермас, «в постсекулярном социуме складывается признание того обстоятельства, что “модернизация общественного сознания” охватывает при переходе к новой фазе как религиозный, так и светский менталитет и рефлексивно видоизменяет их» [4, с. 68]. Однако, как утверждает немецкий теолог Ханс-Иоахим Хён, применительно к современным странам Запада диагноз о возвращении религии в публичное пространство оказывается несколько преувеличенным, «при этом ни религиозные институты, ни их представители не способны вновь оказывать прежнее влияние на секуляризованные области социума, также не приходится говорить о возрождении религии в более широкой сфере повседневного поведения индивидов» [5, S. 65]. Более того, сами религиозные организации, как указывает Х. Казанова, интегрируясь в структуру современного общества, становятся неотъемлемым продолжением секулярных тенденций и способствуют процессам модернизации [6, р. 216].

С другой стороны, наряду с дискурсом постсекулярного общества в современных социально-гуманитарных науках формируется также и теория десекуляризации. Наиболее ярко эта позиция фиксируется в теологии «радикальной ортодоксии» британского философско-теологического направления, представители которого выступают против секулярной современности с ее монопольными правами на формирование парадигмальной картины мира (Дж. Милбанк, Г. Ворд) [7]. Многие тезисы и утверждения в трудах основателя данного интеллектуального движения Дж. Милбанка перекликаются с идеями современной российской религиозно-консервативной мысли [8].

Оценивая возможность преодоления противоречий между светским и теологическим направлениями, можно предполагать, что в процессе религиозно-светского диалога возможны как минимум две стратегии, одна из которых базируется на принципах философии модернизма, а вторая условно тяготеет к «постмодернистскому» направлению. Как пишет Д. Узланер, «модерная стратегия заключается в стремлении сохранить за наукой приоритетный эпистемологический статус, то есть статус общедоступного универсального языка, на котором должна проходить любая публичная дискуссия» [1, с. 224].

В частности, с точки зрения Ю. Хабермаса, конструктивное взаимодействие конкурирующих мировоззренческих и ценностных ори-

ентаций, в том числе религиозных, более не может быть достигнуто на основании каких-либо заранее установленных метафизических принципов, а само согласие возникает как незапланированный результат рациональной дискуссии. Основная трудность видится в том, что модернистская теория излишним образом абсолютизирует значение секулярного разума и преувеличивает роль ценностных различий. Консенсус в качестве принципа интегративности действует конструктивным образом в сфере политики и права, а также в иных сферах светской жизни, однако с помощью секулярного дискурса невозможно устранить все противоречия в сфере религиозной этики, так как в процессе дискуссии всегда существует проблема переводимости языка теологии на язык рациональных аргументов. Другим недостатком модернистской теории можно считать уверенность ее представителей в том, что в современном мультикультурном обществе любая субстанциалистская ценностная система, претендующая на общезначимость, явилась бы нарушением принципов либерального общества, следовательно, единство всегда относительно и базируется на процедурной основе.

В связи с этим на горизонте дискуссии о постсекулярном обществе возникает альтернативная постмодернистская стратегия, исходящая из принципов конвенциональности и релятивизма, сторонники которой оспаривают приоритетность светского мышления перед религиозной эпистемологией, что открывает перспективы критики последней с теологических позиций. В частности, Дж. Милбанк как сторонник радикальной ортодоксии, используя методы постмодернистской теории для анализа феномена секулярности, утверждает, что светский дискурс не просто заимствует религиозные элементы, а сам фактически возникает как периферийный феномен в рамках теологического мышления, поэтому в настоящее время он выступает скорее «неязыческим», чем просто «антирелигиозным» явлением. Снятие «завесы сакральности» с феномена секулярности открывает пространство для радикальной деконструкции светской культуры как таковой. По мнению Милбанка, после того, как секуляризм будет деконструирован, останется только нигилизм. С этической точки зрения, нигилизм – это вера в то, что не существует объективных моральных ценностей, с экономической точки зрения – это вера в то, что товары не имеют присущей им объективной ценности, следовательно, их стоимость может быть любой, в зависимости от спроса и предложения. Метафизический нигилизм – это

вера в то, что ничто не является истинным. Для Милбанка нигилизм – это окончательное выражение онтологии насилия, имплицитно присутствующей в светской социальной теории. Христианство может преодолеть это насилие, потому что оно «истолковывает бесконечность не как хаос, а как порядок, преисполненный внутренней гармонии, источник которого находится за пределами ограничивающей силы любого тотализирующего разума» [7, р. 5].

Заключение

Анализируя возможности реализации указанных стратегий в условиях российского общества, нужно учитывать следующее.

Во-первых, данные стратегии являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими тенденциями, которые в равной степени можно наблюдать в современных обществах.

Во-вторых, на возможность их реализации влияют различные институциональные и культурные факторы. Соответственно, принимая в качестве базовой модели идею приоритетности современной стратегии применительно к российскому обществу, следует учитывать возможные ограничения ее реализации, которые определяются социальной, культурной и исторической спецификой. Противоречивость русской культуры, а также радикальность секуляризационных процессов в российской истории делают переход к модели компромисса между светским и религиозным мировоззрением важнейшим приоритетом ее будущего развития. Однако нахождение общего основания между светским и религиозным мировоззрением в российских реалиях представляется непростой задачей, поскольку религиозное и светское мировоззрение исторически рассматривались как элементы бинарной системы, противостоящие друг другу. Как подчеркивает М. Эпштейн, попытка преодоления данного противоречия, предпринятая в прошлом выдающимися мыслителями русской философии Серебряного века в рамках апокалиптических систем, не решала в полной мере указанной проблемы, поскольку мышление русских философов «опьяняется этим грядущим единством и упраздняет трезвое различие между религией и обществом, тем самым пресекая саму возможность секуляризации» [9, с. 179].

На основании анализа представленных источников можно сделать вывод, согласно которому отдельные теоретические построения русских религиозных философов во многом созвучны рассуждениям представителей современной радикальной ортодоксии. Несмотря

на фундаментальные различия теоретических взглядов русских и западных философов их сближают радикальный антисекуляризм и стремление выйти за ограниченные рамки рационалистического мышления. В то же время утопичность подобного подхода превращается в источник потенциальных мировоззренческих антагонизмов и социальных конфликтов уже в контексте настоящего.

С этой точки зрения вполне логично обращение к другой альтернативной модели, где взаимодействие представителей различных мировоззрений обеспечивается в пространстве гражданского диалога, который, не устраняя в целом имеющихся противоречий, одновременно обеспечивает институциональные условия для их постепенного сближения и предотвращает дальнейшее раскручивание спирали мировоззренческих противоречий. Таким образом, реализация модели консенсуса в условиях российского постсекулярного общества должна отталкиваться от специфики российской ментальности, культуры и осуществляться в направлении постепенного перехода от постмодернистской модели к модели рационального консенсуса.

Список литературы

1. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке М. : Издательство Института Гайдара, 2020. 416 с.
2. Berger P. L. Introduction: Between Relativism and Fundamentalism // *Between Relativism and Fundamentalism: Religious resources for a middle position* / ed. by P. L. Berger. Cambridge, UK: William B. Eerdmans, 2010. P. 1–13.
3. Taylor Ch. Modes of Secularism // Bhargava R., ed. *Secularism and its Critics*. New Dehli: Oxford University Press, 1998. P. 31–53.
4. Хабермас Ю., Ратцингер (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / пер. с нем. М. : Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2006. 112 с.
5. Höhn H. Postsäkulare Gesellschaft? Aktualität und Relevanz einer Theorie religiöser Dispersion // *Transformation religiöser Symbole und religiöser Kommunikation in der Diaspora. Sozialpsychologische und religionssoziologische Annäherungen an das Diskursfeld Islam in Deutschland*. Wiesbaden : Springer, 2018. S. 65–80.
6. Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 330 p.
7. Milbank J. *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2006. 443 p.
8. Белжеларский Е. А. Истоки и смысл имманентистского дискурса в контексте радикальной ортодоксии Джона Милбанка // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2017. Т. 18, № 1. С. 194–203.
9. Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 416 с.

References

1. Uzlaner D. *Postsekulyarnyy povorot. Kak myslit o religii v XXI veke* [The Post-Secular Turn. How to Think about Religion in the XXI Century]. Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 416 p. (in Russian).
2. Berger P. L. Introduction: Between Relativism and Fundamentalism. In: P. L. Berger, ed. *Between Relativism and Fundamentalism: Religious resources for a middle position*. Grand Rapids, MI; Cambridge, UK, William B. Eerdmans, 2010, pp. 1–13.
3. Taylor Ch. Modes of Secularism. In: Bhargava R., ed. *Secularism and its Critics*. New Dehli, Oxford University Press, 1998, pp. 31–53.
4. Habermas J., Cardinal Joseph Ratzinger. *Dialektik der Säkularisierung: Über Vernunft und Religion*. Freiburg im Breisgau, Verlag Herder, 2005. 64 S. (Russ. ed.: Khabermas Yu., Rattsinger (Benedikt XVI). *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii*. Moscow, Bibleysko-Bogoslovskiy institut svyatogo apostola Andreyana Publ., 2006. 112 p.
5. Höhn H. Postsäkulare Gesellschaft? Aktualität und Relevanz einer Theorie religiöser Dispersion. In: *Transformation religiöser Symbole und religiöser Kommunikation in der Diaspora. Sozialpsychologische und religionssoziologische Annäherungen an das Diskursfeld Islam in Deutschland*. Wiesbaden, Springer, 2018, S. 65–80.
6. Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 330 p.
7. Milbank J. *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Oxford, Blackwell Publishing Ltd, 2006. 443 p.
8. Belzhelarskiy E. A. Sources and sense of the immanentist discourse in the context of radical orthodoxy of John Milbank. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2017, vol. 18, no. 1, pp. 194–203 (in Russian).
9. Epshteyn M. N. *Religiya posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii* [Religion After Atheism. New Possibilities of Theology]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2013. 416 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.08.2022, одобрена после рецензирования 03.09.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 27.08.2022, approved after reviewing 03.09.2022, accepted for publication 17.10.2022